

СИБАГАТОВ Р. Г.

АТРИБУТИВНЫЕ И ПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ПЛАНЕ СОДЕРЖАНИЯ

(На материале татарского языка)

Вопрос об атрибутивном характере предикативных конструкций обсуждается как в общем, так и в тюркском языкознании. Известно, например, мнение Н. Д. Арутюновой, утверждающей, что предикативные отношения «возникают на базе атрибутивных отношений и в чисто синтагматическом плане могут быть сведены к этим последним» [1]. Н. А. Баскаков рассматривает тюркское предложение как более сложное, но также восходящее к атрибутивному сочетанию [2]. Данная общая квалификация предикативных конструкций находится в соответствии с концепцией традиционной (аристотелевской) логики об атрибутивном характере суждения. Согласно этой концепции, предикативная конструкция сближается или совпадает с атрибутивной конструкцией в том, что в составе каждой из них имеются две основные части (члены), выступающие в качестве определяемой и определяющей.

При такой структурной общности, однако, атрибутивные и предикативные конструкции по общему содержанию буквально противопоставляются друг другу.

В логике бытует мнение о том, что в рамках предикативной конструкции выражается принадлежность предмета некоторому классу предметов, что осуществляется путем приписывания предмету свойства. Например, если свойство, присущее человеку, приписываются Сократу, то это, по данной концепции, означает, что Сократ включен в класс людей (ср. предложение *Сократ есть человек* [3, с. 210]). Г. Гегель писал: «Субъект есть по самому смыслу своему прежде всего единичное, а предикат — всеобщее» [4, с. 353]. Более того, существует ограничение, введенное еще Аристотелем, которое гласит: «единичные термины не могут быть предикатами других терминов» [3, с. 212]. В конечном итоге предикат противопоставляется субъекту как родовое понятие видовому; соотнесение их друг с другом, т. е. предикация, квалифицируется как операция о б о щ е н и я. В атрибутивной конструкции обнаруживается нечто противоположное: «...атрибут ограничивает основу, выделяет в ее логическом объеме определенную область, служит видовым отличием для отражаемого в сочетании понятия» [5, с. 54]. Если определяемой частью атрибутивного сочетания выражается родовое (общее, более абстрактное) понятие, то определяющей частью — видовое отличие родового понятия. Сочетание определяемого и определяющего в целом дает видовое (менее общее, более конкретное) понятие. Ср., например: *кеше, ир кеше* («человек, мужчина»). При этом осуществляется к о н к р е т и з а ц и я понятия. В результате предикативная и атрибутивная конструкции как по функции противопоставляемых частей, так и по общему содержанию содержанию ощущаются друг от друга. Это положение традиционной логики широко применяется в лингвистике. И ссылка на него на первый взгляд действительно кажется удачной, поскольку это дает как бы готовое решение вопроса о соотношении предложения и словосочетания в плане содержания.

Однако традиционно логическое решение вопроса о соотношении атрибутивных и предикативных конструкций не является теоретически безупречным. Трудно говорить об истинном соотношении их до тех пор, пока

нет единого мнения о внутренней структуре каждой отдельной конструкции. Описание структуры атрибутивных конструкций как будто не вызывает особых дискуссий. Но описание предикативной структуры всегда оставляло и оставляет место для сомнений и возражений. Даже сам Аристотель, основывая свою систему на понятии включения в класс (обобщения), тем не менее допускал наличие предложений, в которых предикатом является не общее понятие, а обозначение единичного явления (его примеры: *Эта белая вещь есть Сократ*; *Приближающийся предмет есть Каллиас*). Г. Гегель в предложениях типа *Я сегодня хорошо спал* или *Цезарь родился в Риме в таком-то году* также усматривал выражение не всеобщего, а отдельных поступков, состояний [4, с. 352]. Такие предложения, явно противоречащие концепции об обобщающем характере суждения, всегда привлекали внимание исследователей.

В современной логике традиционной концепции о «включении в класс» (обобщении) противопоставляется, главным образом, концепция о выражении тождества в суждении. Эта мысль особенно четко выражена в книге А. И. Умова «Системный подход и общая теория систем». Автор вполне разделяет мнение о том, что предикат не является классом, т. е. множеством, между субъектом и предикатом в действительности существует отношение тождества. Но это, по данной концепции, не простое тождество. Содержание предиката равняется части содержания субъекта. А. И. Умов анализирует предложение *Железо есть металл*. «Металл как совокупность свойств, — пишет он, — входит в ту совокупность свойств, которая образует железо. Иначе, в нашем формализованном языке металл есть под-объект железа» [3, с. 214—215]. Исходя из этого, он считает возможным сформулировать следующее общее утверждение: «Любое свойство, приписываемое объекту, т. е. характеризующее его, будучи субстантивировано (т. е. в абстракции от носителя), является его подобъектом, входящим в число свойств, образующих объект» [3, с. 215]. По этой концепции, суждение *Сократ есть человек* также означает: «Сократ есть человек плюс что-то».

Хотя описываемая структура, судя по всему, не охватывает все ряды предикативных суждений и нуждается в дальнейшем уточнении, что мы попытаемся сделать ниже, здесь важен сам принцип противопоставления членов предикативного отношения. Предикат определяется как часть субъекта. Представляется, что такое соотношение членов характерно для всякого расчленяемого предложения независимо от того, как эти члены выражены. Не только в предложениях типа *Тимур — металл* «Железо есть металл», но и в предложениях типа *Яфрак яшел* «Лист зеленый», *Кеше килгэн* «Человек пришел», сказуемое которых выражено не именем существительным, а прилагательным и глаголом, содержание предиката равняется части содержания субъекта. (Будем иметь в виду случаи, когда синтаксическое и актуальное, или логико-грамматическое, членения предложения совпадают: подлежащее выступает в функции субъекта, а сказуемое — в функции предиката.) В число свойств листа входит зеленый цвет, одним из свойств человека является его способность к перемещению, в данном случае выраженная глаголом *килу* «прийти». Но, следует подчеркнуть, статусы частей (предикатов) по отношению к совокупностям (субъектам) в предложениях первого и второго типов соответствуют не полностью. В предложениях типа *Тимур — металл* «Железо есть металл» предикат по содержанию отождествляется с частью отображенных в субъекте существенных свойств, т. е. таких свойств, без которых данное явление как таковое не существует. В процессе предикации, путем соотношения части с целым, частично эксплицируется содержание целого. Другими словами, раскрывается то, что в содержании субъекта, т. е. в совокупности образующих его свойств, есть часть, равная содержанию предиката. Содержание субъекта, конечно, не исчерпывается этим, в нем содержатся и другие свойства, но их экспликация не является целью данного высказывания. В предложениях же типа *Яфрак яшел* «Лист зеленый», *Кеше килгэн* «Человек пришел» содержание предиката не входит в число существенных свойств, отображенных

в субъекте. Скажем, понятие «лист» существует и остается качественно определенным и вне отображения свойства «быть зеленым». И, в самом деле, может же быть лист и желтым, и красным и т. д. То же самое надо сказать в отношении понятия «человек». Его существо определяется не свойством «прийти». Несущественное свойство представляет собой такое свойство, которое «может принадлежать, а при некоторых условиях может и не принадлежать предмету, но от этого данный предмет не перестает существовать как данный предмет» [6]. Понятие, будучи отображением существенных свойств явления, непосредственно не включает в себя несущественные. Эти несущественные свойства добавляются в содержание понятия-основы посредством особых логических операций (атрибуции и предикации). Таким образом, в предложениях данного типа предикат, не отождествляясь с существенной частью субъекта, представляет собой отображение, д о б а в л я е м о е в содержание субъекта.

Отношение частного тождества по существенным свойствам характеризует только предложения. Например, понятие «металл», будучи частью понятия «железо», вступает с ним в отношение в качестве предиката, но не вступает в отношение в качестве обычного определения (атрибута). Нельзя говорить: *металл тимер* «металлическое железо». Вполне отвечает логическим и языковым нормам предложение *Чыршы — агач* «Ель — дерево», но недопустимо словосочетание *агач чыршы* «деревянная ель». Такие безаффиксальные словосочетания не допускаются не по грамматическим правилам. В татарском языке, как и в других тюркских языках, безаффиксальное сочетание, например, вещественных существительных с другими существительными — вполне нормальное явление. Ср.: *алтын балдак* «золотое кольцо» (букв. «золото кольцо»), *кун итек* «кожаный сапог» (букв. «кожа сапог»), *фарфор савыт* «фарфоровая посуда» (букв. «фарфор посуда»). Приведенные же выше словосочетания, например, *агач чыршы* «деревянная ель», отвечая требованиям грамматики, тем не менее не удовлетворяют условиям логических правил¹.

Предложения, в которых выражается частное тождество по существенным свойствам, занимают особое положение среди предикативных конструкций языка. Устанавливаемый на материале данных предложений предикат, отождествляясь с частью существенных свойств субъекта, в то же время может быть принят за отражение класса (множества), поскольку данной частью свойств характеризуется не одно единственное явление. Например, свойствами металла, кроме железа, обладают еще многие другие элементы таблицы Менделеева. Данный тип предложений, действительно, является хотя и не прямым, но косвенным обоснованием положения об обобщающем характере предиката. С другой стороны, невозможность параллельного существования словосочетаний, между компонентами которых было бы установлено отношение частного тождества по существенным свойствам, как бы дает основание для того, чтобы предложение и словосочетание легко противопоставлялись друг другу как способы логического обобщения и конкретизации.

Но если мы обратим внимание на второй тип предложений, то указанное противопоставление исчезает. Предложения типа *Яфрак яшел* «Лист зеленый», *Кеше килгән* «Человек пришел» легко преобразуются в словосо-

¹ В таких словосочетаниях определение оказывается родовым, а определяемое (основа) — видовым понятием. Присоединение родового понятия к видовому, осуществляемое в рамках атрибутивной конструкции, приводит к тавтологии, так как признаки родового понятия уже содержатся в видовом. Поэтому такие атрибутивные сочетания практически невозможны [см. 5]. В татарском языке, правда, выделяются именные словосочетания другой формы, в которых зависимое существительное выражает родовое, а господствующее существительное — видовое понятие, например: *кошлардан чыпчык* «воробей из птиц». Но и здесь нельзя утверждать, что родовое понятие, составляющее часть содержания видового понятия, что-то добавляет к последнему или выделяет в нем. Между ними существует отношение особого рода: само видовое понятие (один предмет) выделяется из объема родового понятия (класса предметов). Об этом см. также [7].

четания. Ср., например: *яшел яфрак* «зеленый лист», *килгэн кеше* «пришедший человек» (или: человек, который пришел). При этом логический статус частей предложения и словосочетания по отношению друг к другу ничуть не меняется. В предикате и определении отображена та часть свойств, которая не включена непосредственно в содержание понятия, выступающего в функции субъекта и определяемого. В обоих случаях, и в предложении и в словосочетании, содержание одного понятия добавляется в содержание другого понятия. В этом заключается сущность атрибуции, которая реализуется не только в словосочетаниях, но и лежит в основе предложений.

Выделяя то общее, что объединяет предикативные и собственно атрибутивные конструкции языка, нельзя, конечно, не видеть их различий. Эти различия, однако, заключаются не в том, в чем их обычно усматривают. Трудно согласиться, что, например, понятие «зеленый», ограничивая (конкретизируя) понятие «лист» в атрибутивной конструкции, обобщает его в предикативной конструкции. Эта точка зрения, как уже указывалось и в логике, связана с большими натяжками. И в том и в другом случаях содержание одного понятия (предиката и определения) добавляется в содержание другого понятия (субъекта и определяемого). Это в действительности ведет не к обобщению, а, наоборот, к ограничению, конкретизации, что, как известно, в полной мере реализуется в рамках собственно атрибутивной конструкции; в рамках же большей части предикативных конструкций хотя тоже происходит сложение понятий, ведущее к конкретизации, это не является единственным назначением данных единиц. Они еще выполняют функцию выражения различных типов модального отношения. В анализируемых предложениях *Яфрак яшел*, *Кеше килгэн* отношение между двумя понятиями (предмета и свойства), например, квалифицируется с точки зрения говорящего посредством употребления соответствующих языковых средств (интонации и наклонения) как реальное, достоверное. В результате, атрибуция, осуществляемая в рамках предикативной конструкции, осложняется, приобретает различные оттенки. В частности, предикативная конструкция, фиксируя отношение говорящего к соединению частей, преподносит это соединение как процесс, событие, в котором участвует сам говорящий. Между тем содержание словосочетания, не включающее в себя отражения характера осуществляемой связи, отношения говорящего к этой операции, предстает как статическое явление, один логический объект.

Соотношение предикативной и собственно атрибутивной конструкций в плане логико-семантического содержания можно изобразить символически в виде формул. Для этого введем условные обозначения предмета (S), свойства (A) и отношения между ними (R). Формулу атрибутивного отношения, не осложненного модальной характеристикой, можно выразить так: ARS . Для обозначения модальной характеристики, или модального атрибута, используем дополнительный знак A^M . Предикативность как модально (субъективно) характеризуемое атрибутивное отношение принимает вид: $A/R + A^M/S$. Отражая обычный (прямой) порядок слов, характерный для тюркских языков, эту формулу можно записать так: $S/R + A^M/A$.

Здесь важно подчеркнуть, что в предикативной конструкции, с одной стороны, выражается отношение между предметом мысли и приписываемым ему свойством — атрибутивное отношение, существующее независимо от говорящего лица, лишь раскрываемое, сообщаемое им. С другой стороны, выражается отношение говорящего к этому объективно существующему отношению. Средства модального характера сами по себе не устанавливают нового синтагматического отношения, а функционируют на базе атрибутивного отношения.

Положение о том, что предикативные отношения «возникают на базе атрибутивных отношений» [1], в лингвистической литературе имеет несколько условный характер. Дело в том, что здесь как бы допускается первичность атрибутивных и вторичность предикативных отношений (т. е. поэтапное формирование их). В действительности, видимо, можно гово-

речь лишь о том, что предикативная конструкция предполагает атрибутивное отношение, в своей основе содержит его, но не является трансформацией атрибутивного сочетания. Отношение понятия о предмете и понятия о признаке (= атрибутивность) особенно наглядно выступает на материале предложений, синтаксическое и актуальное членения которых совпадают, т. е. тогда, когда подлежащее (субъект) выражается существительным (морфологическим обозначением предмета), а сказуемое (предикат) — глаголом, прилагательным, наречием (морфологическими обозначениями свойства). И, надо сказать, положение об атрибутивной основе предикативных конструкций выдвинуто, прежде всего, на материале таких предложений. В предложениях же, противопоставление предмета и признака не имеет столь явного характера. Но здесь важно то, что данное (субъект) и новое (предикат), выраженные соответственно не подлежащим и сказуемым, а другими членами предложения, также представляют определяемое и определяющее понятия, — имеется в виду атрибутивность в самом широком смысле слова (см. ниже).

Можно сказать, атрибутивное сочетание — это тесное, непосредственное сцепление частей, а предикативное сочетание, в своей основе являющееся тоже атрибутивным, отягощено модальной характеристикой. Таким выглядит соотношение сопоставляемых конструкций при первом, самом общем и, пожалуй, будет верно сказать — предварительном решении. Но вопрос, как мы увидим, не исчерпывается данной общей квалификацией их содержания. Дело в том, что хотя атрибутивное отношение фиксируется в формуле ARS более или менее адекватно, но предикативное отношение, выраженное формулой $S/R + A^m/A$, в действительности понимается неоднозначно, более того, оно не всегда и не обязательно принимается за предикативное отношение в собственном смысле слова, что, естественно, осложняет задачу. Здесь, на наш взгляд, требуются существенные дополнительные уточнения.

В современной лингвистике принято теоретическое положение о двух уровнях членения предложения — синтаксическом и актуальном, или логико-грамматическом, коммуникативном. Это, в свою очередь, привело к тому, что такие основные понятия теории синтаксиса, как структура предложения, предикативность и модальность, стали тоже как бы раздваиваться, вступая при этом в строго иерархические отношения. Вопрос о соотношении двух уровней структуры предложения и соответственно двух разных проявлениях предикативности и модальности, так или иначе привлекавший и привлекающий внимание лингвистов, особенно последовательно решается в работах В. З. Панфилова. Два уровня структуры предложения рассматриваются им в связи с двумя уровнями структуры суждения [8, с. 112—129]. В логике, как известно, структура суждения представляется обычно как субъектно-предикатное отношение. Суждения, в которых противопоставляются субъект и предикат, называются атрибутивными. Формула их: S есть P или S не есть P . Вместе с тем существует тенденция к отбрасыванию этой схемы. В суждении, по мнению некоторых логиков, предикат «означает отношение, существующее между двумя или, вообще говоря, многими предметами» [9, с. 126]. Суждение, стало быть, может состоять из n -местного предиката, выраженного глагольным сказуемым, и двух или нескольких предметов (аргументов), выраженных именами (подлежащим и дополнениями). Суждения, имеющие такую структуру, рассматриваются как «суждения с отношениями», или «релятивные суждения». Их формула: aRb или $R(a_1, \dots, a_n)$, где R означает отношение; a, b — предметы, вступающие в это отношение. Как обоснованно утверждает В. З. Панфилов, эти два типа членения суждения не могут дать двух различных форм суждения, а в действительности являются двумя уровнями структуры суждения вообще. «Каждая из этих структур мысли, — пишет В. З. Панфилов, — обусловлена одной из объективно присущих ей сторон, а именно: если суждение как пропозициональная функция фиксирует ту или иную объективную ситуацию, образуемую какими-либо объектами в их отношениях, то субъектно-предикатная струк-

тура обусловлена направленностью, ходом познания данной ситуации» [8, с. 116]. Характерно, что каждая из двух структур суждения находит свое отражение в одном из уровней структуры предложения: 1) релятивная структура суждения — в синтаксической структуре предложения; 2) атрибутивная структура суждения — в актуальной, или логико-грамматической, коммуникативной, структуре предложения [8, с. 117].

Из уровня характера структуры предложения закономерно вытекает дифференцированность его основных признаков. Как важнейшая категория предложения на синтаксическом уровне выделяется *с к а з у е м о с т ь* (функция сказуемого как синтаксического члена), частным проявлением которой является *с к а з у е м о с т н о е о т н о ш е н и е*, т. е. отношение между подлежащим и сказуемым. Предложение на логико-грамматическом уровне (термин В. З. Панфилова) характеризуется *п р е д и к а т и в н о с т ь ю*. Как пишет В. З. Панфилов, «предикативность представляет собой свойство всего предложения в целом, а не какого-либо одного члена предложения, и в том числе и сказуемого» [10, с. 169]. Именно предикативность характеризует отнесенность содержания предложения к действительности. Как частное проявление предикативности рассматривается отношение между субъектом и предикатом в их логико-грамматическом понимании. При этом и модальность, обнаруживаемая на каждом из выделенных уровней предложения, дифференцируется на: 1) модальность синтаксического уровня; 2) модальность логико-грамматического уровня [10, с. 174—200].

Такой подход дает возможность в значительной степени конкретизировать содержание понятия «предикативное отношение». Но при ограничении круга одного из сопоставляемых нами явлений, а именно — предикативных конструкций, в поле зрения возникает третье явление — конструкции, выражающие сказуемое отношение. В итоге рассматриваемый в нашей статье вопрос, вольно или невольно, приобретает двойной характер: если, с одной стороны, привлекает внимание взаимоотношение атрибутивных и предикативных конструкций, то, с другой стороны, одинаково интересным и важным оказывается взаимоотношение атрибутивных и сказуемых конструкций.

Возникающие сложности во многом связаны с функциональными особенностями различных типов модальных средств. Эти особенности пока что не до конца выявлены. Известно, что к числу средств, реализующих предикативное отношение, по традиции относят, прежде всего, аффиксы наклонения, времени, лица. Присутствие их в составе сказуемого двусоставного предложения обычно воспринимается как условие, обязательно создающее предикативное отношение. И, действительно, сочетание «существительное в основном падеже плюс глагол в личной форме» всегда выступает как предложение. Но на самом деле предикативное отношение в данной конструкции возникает не обязательно на базе названных средств. Дело в том, что личной формой глагола, обладающей модально-временными характеристиками, может выражаться не только предикат, но и субъект. Когда личная форма глагола является предикативным членом, то модальное значение, выраженное формой наклонения глагольного сказуемого (предиката), характеризует его отношение с субъектом. Но если спрягаемый глагол выступает в функции субъекта, что вполне возможно, то в данном случае едва ли допустимо утверждение, что модальность, входящая в сферу субъекта, характеризует его отношение с предикатом. В данном случае употребления конструкции «существительное в основном падеже плюс глагол в личной форме» аффиксы наклонения, времени, лица, так сказать, выходят из игры. Надо полагать, что их действие в этом употреблении ограничивается сферой субъекта и не распространяется на что-либо другое. Возьмем, например, предложение *Ул килде* «Он пришел», произносимое с логическим ударением на подлежащем (*ул* «он»), что ставит его в положение предиката. Здесь сказуемое (*килде* «пришел») выступает в функции субъекта. Такое коммуникативное задание предложения на русский язык может быть передано так: «тот, кто пришел, — это он». В этом переводе как бы выходит наружу то, о чем мы говорили выше:

модальное значение, выраженное формой *-де* изъяв. накл. прош. вр. 3-го л., полностью остается в сфере выражения субъекта («тот, кто пришел»). Создается весьма своеобразное положение, когда модальные средства, обнаруживаемые на синтаксическом уровне, не функционируют на логико-грамматическом, когда исключается роль именно тех средств, которые в выражении предикативности — с традиционной точки зрения — рассматриваются как основные. Это положение заставляет искать то средство выражения субъективного отношения, которое всегда, в каждом случае употребления расчленяемого предложения, характеризовало бы отношение между выделяемыми частями. Такой обязательной субъективной характеристикой расчленяемого предложения, по всей видимости, является именно его расчлененность на данное (субъект) и новое (предикат), внешне сигнализируемая интонацией, модальными словами, частицами и некоторыми другими средствами. Эти средства, подчеркивая противопоставление друг другу двух частей предложения, по содержанию соотносимых с вполне объективными явлениями, в то же время выражают точку зрения говорящего на взаимоотношение их. Присутствие субъективного элемента в этом противопоставлении без особого труда улавливается языковым чутьем. К. Г. Крушельницкая, говоря о том, что каждое грамматическое значение обладает в той или иной степени субъективным компонентом, значения актуальных членов (по ее терминологии — значения нового и данного) относит к числу таких значений, в которых субъективный компонент преобладает [11]. Значения с так называемым субъективным компонентом, реализуемые при логико-грамматическом членении, по своей природе мало чем отличаются от собственно модальных значений. (Решению вопроса о специфике значений, выражающих субъективное отношение, посвящены специальные статьи автора [12, 13]. Здесь мы лишь в самой общей форме охарактеризуем привлекающую наше внимание разновидность их.) Раскрыть природу значений с субъективным компонентом вообще и природу значений логико-грамматических членов в частности, на наш взгляд, можно только путем сведения их к выражению отношения между некоторыми элементами субъективного и объективного порядка. Следовательно, здесь важно выяснить то, что конкретно представляют собой эти элементы. Обращает на себя внимание то, что расчленяемое предложение предполагает наличие другого, вопросительного или отрицательного, предложения. Например, предложение *Яшлар төзелешкә китте* «Молодежь поехала на стройку» с логическим ударением на слове *төзелешкә* «на стройку» как бы является ответом на вопрос: «Куда поехала молодежь?». Оно может быть противопоставлено также частно-отрицательному предложению *Молодежь поехала не на стройку*. Логическое выделение одной из частей предложения в речи является именно следствием такого противопоставления. Высказываемое предложение вступает в отношение с тем предложением, существование которого предполагается говорящим. Это отношение может быть интерпретировано в терминах отношения «говорящий — собеседник». Но это будет не совсем точно, так как вопрос или отрицание не обязательно исходит от собеседника. Они имеют место и в процессе монологической речи. Поэтому здесь более уместно говорить о внешнем (объективном) стимуле и внутренней (субъективной) реакции. Таким образом, можно утверждать, что с помощью логико-грамматического членения выражается отношение, устанавливаемое между предложением (суждением), являющимся проявлением объективного стимула, и предложением (суждением), являющимся проявлением субъективной реакции. В этом значении, как в любом другом значении модального характера, присутствует элемент субъективности.

Можно сказать, что субъективная характеристика логико-грамматических членов заложена в самой природе, конституции их, и в татарском языке обнаруживается она, прежде всего, в интонационном оформлении предложения, в порядке слов. Логико-грамматический предикат может иметь при себе еще модальные (вводные) слова, частицы и другие субъективно характеризующие средства, а может и не иметь их. Эти последние средства в структурном плане играют при предикате дополнительную

(варьирующую, видоизменяющую) роль². Логико-грамматический предикат, выраженный не глагольным сказуемым, а другими синтаксическими членами предложения, уподобляется именному сказуемому, которое, не имея формальных показателей модальности, кроме интонации, тем не менее вступает в модально (субъективно) характеризуемое отношение с подлежащим.

Есть основание утверждать, что явление предикативности варьируется не только по характеру синтагматического членения предложения, но и по составу модальных, субъективно характеризующих средств. Традиционные положения о том, что «разных видов предикации не существует» [16], что предикативность — это «общее и однородное свойство всякого предложения, которое не служит основанием для разделения предложений на классы» [17], не вполне согласуются с новыми данными. Расчленяемые предложения по характеру выражения предикативности образуют по меньшей мере две основные группы.

В одну группу объединяются предложения, логико-грамматическое членение которых совпадает с их синтаксическим членением. Другими словами, это такие предложения, в которых логическое ударение падает на сказуемое, в результате предмет мысли выражается подлежащим или группой подлежащего, а сообщаемое (новое) — сказуемым или группой сказуемого. Таково, например, членение предложения *Бодай кошеле укэниэн-үсэ барды* (Г. Баширов) «Ворох пшеницы становился все больше», когда оно отвечает на вопрос: «Что делалось в ворохе пшеницы?». Особенность предикации, осуществляемой в предложениях данной группы, заключается в том, что в характеристике отношения между двумя составными предложения, т. е. объективно заданного атрибутивного отношения, участвуют как средства актуального членения (логическое ударение, частицы и т. д.), так и средства, обнаруживаемые в составе сказуемого (наклонение, время, лицо). При этом отношение говорящего к связи явлений, обозначенных составами подлежащего и сказуемого, выражается максимально полно, т. е. настолько полно, насколько позволяет грамматическая структура языка вообще. Это тот случай, когда предикативность и сказуемость совпадают. Отношение между выделенными частями (предметом и признаком) получает двойную модальную характеристику: и на синтаксическом уровне, и на логико-грамматическом.

Во второй группе предложений логико-грамматическое и синтаксическое членения их расходятся: подлежащее и сказуемое либо оказываются в противоположных коммуникативных составах, либо оба включаются в один из этих составов. На первый случай пример уже был приведен (см. выше), рассмотрим второй случай. Например, в предложении *Егет менэ шул утта янды* (Г. Ибраһимов) «Парня волновало именно это» логически выделяется определение (*менэ шул* «именно это»). И эта часть предложения в функции предикатируемого члена противопоставляется сочетанию подлежащего и сказуемого, выражающему предмет мысли. В предложении же *Зур куркынычың төбе ачылды* (М. Гафури) «Раскрылось то, что вызвало большой переполох» подлежащее и сказуемое (*төбе ачылды*), взятые вместе, как одно целое, образуют предикатируемую часть, а предмет мысли (субъект) выражается второстепенными членами (*зур куркынычың*). В этих случаях, как уже отмечалось, сфера действия модальных средств, обнаруживаемых в составе сказуемого, не распространяется на

² Модальные средства, относящиеся к логико-грамматическому предикату и характеризующие его отношение с логико-грамматическим субъектом, подробно описаны на материале разных языков В. З. Панфиловым [8, 10]. Такие средства татарского языка в указанном плане пока что в достаточной мере не изучены. Но примеры того, что и на татарский язык распространяются общие закономерности, приводятся. М. Э. Закриев указывает, например, на тот случай, когда модальное (вводное) слово относится ко второстепенному члену (предикату). Ср.: *Ул, блаки, безгэ килер* «Он, возможно, придет к нам» [14]. Здесь мы усматриваем именно то, что интонационно выделенный предикат получает дополнительное модальное (субъективное) оформление. Ф. С. Сафиуллина относит к числу средств, участвующих в формировании пассива (предиката), наряду с порядком слов, некоторые частицы, неопределенные местоимения, аффикс отрицания [см. 15].

характеристику отношения между выделенными логико-грамматическими составами. Отношение между ними оформляется в качестве предикативного (субъективно характеризуемого) отношения именно благодаря средству актуального членения. Но важно заметить то, что в предложениях этой группы грамматические категории наклонения, времени, лица не нейтрализуются, не перестают функционировать как модальные средства. Лишь ограничивается их сфера действия. Они характеризуют сказуемое отношение, т. е. отношение между подлежащим и сказуемым, которые входят в этом случае в один из двух основных логико-грамматических составов.

Обнаруживается, что сопоставляемые нами конструкции (атрибутивные, сказуемые, предикативные) находятся в разных отношениях к категории модальности: 1) отношение между членами атрибутивной конструкции не характеризуется с точки зрения этой категории; 2) в сказуемой и предикативной конструкциях выражается модально (субъективно) характеризуемое отношение, однако модальность, обнаруживаемая в сказуемой конструкции, как и сама конструкция в целом, относится к одному уровню структуры предложения, т. е. синтаксическому (ее называют объективной модальностью), а модальность (субъективная характеристика), обнаруживаемая в предикативной конструкции, как и сама конструкция в целом, относится к другому, более высокому, логико-грамматическому, уровню предложения (ее называют субъективной модальностью). Между модальностью объективной и модальностью субъективной существуют сложные отношения в рамках предложения, которые рассматриваются В. З. Панфиловым на материале языков разных систем [10, с. 182—200].

Все сопоставляемые конструкции объединяет атрибутивный характер их основного содержания. Члены сказуемой конструкции и тех предикативных конструкций, синтаксическое и логико-грамматическое членения которых совпадают, соотносятся с компонентами атрибутивного словосочетания: подлежащее (субъект) с определяемым, сказуемое (предикат) с определенным. Предложения же, синтаксическое и логико-грамматическое членения которых не совпадают, не имеют такой непосредственной соотнесенности. Это несколько осложняет дело. Но здесь может быть предложен такой подход к решению вопроса. Для данного членения наиболее характерно то, что логико-грамматический предикат оказывается частью (одним из членов) целого образования. Другими словами, при выделении предиката, выраженного не сказуемым, а другими членами предложения, целостность остающейся части предложения не нарушается. Эта часть сама по себе может быть принята за одно предложение. Ср., например, разные членения предложения *Мин кичэ Мэскәүдән зат алдым* «Я вчера получил письмо из Москвы» (предикат в предложениях на татарском языке выделим полужирным, а в переводе поставим в постпозицию): 1) *Мин кичэ Мэскәүдән зат алдым* «Я получил вчера из Москвы письмо»; 2) *Мин кичэ Мэскәүдән зат алдым* «Я получил вчера письмо из Москвы»; 3) *Мин кичэ Мэскәүдән зат алдым* «Я получил письмо из Москвы вчера»; 4) *Мин кичэ Мэскәүдән зат алдым* «Получил вчера письмо из Москвы я»³. Если теперь отвлечься от модальных характеристик противопоставляемых членов, т. е. рассматривать их только лишь как обозначения взаимосвязанных реальных явлений, то мы можем сказать, что лексические единицы, выделенные в качестве предиката, выполняют по отно-

³ В татарском языке, как и в русском, употребляются также синонимические формы приведенных коммуникативных вариантов предложения, в которых предикат получает специфическое грамматическое оформление, например: *Мин кичэ Мэскәүдән алган нәрсә хат иде* «То, что я получил вчера из Москвы, было письмо»; *Мин кичэ алган хат Мэскәүдән иде* «Полученное мною вчера письмо было из Москвы»; *Кичэ Мэскәүдән хат алучы (алган кеше) мин идем* «Тот, кто вчера получил письмо из Москвы, был я». Следует, однако, заметить, такие грамматически оформленные синонимы имеют не все формы интонационно выделенного предиката. Его трудно (в стилистическом плане) подчеркнуть, например, для случая 3), где в качестве предиката интонационно выделено обстоятельство *кичэ* «вчера».

шению к целостному образованию, выражающему субъект, такую же функцию, какую выполняет определение по отношению к определяемому, т. е. конкретизирует его. Например, содержание целостного образования *Мин кичэ Мэскәүдән алдым* «Я вчера получил из Москвы» конкретизируется путем включения в него лексической единицы *хат* «письмо». Такое же отношение устанавливается между другими выделяемыми частями (ср.: *мин кичэ хат алдым — Мэскәүдән*; *мин Мэскәүдән хат алдым — кичэ*; *кичэ Мэскәүдән хат алдым — мин*). Первая часть сопоставляемых конструкций обозначает ситуацию-основу (родовое понятие), а вторая часть — ее видовое отличие. Их отношение, рассматриваемое вне модальных (субъективных) характеристик, в действительности и представляет собой не что иное, как атрибутивное отношение. Предлагаемое решение согласуется с общей постановкой вопроса о логической природе разного рода словосочетаний в предложении. Н. М. Годер, например, доказывает, что «не только определения, но и другие второстепенные члены предложения являются атрибутами...» [5, с. 57]. Отсюда, по его словам, следует, что все словосочетания могут быть названы атрибутивными. Например, в предложении *Н. ухал вчера на пароходе домой* второстепенные члены *вчера, на пароходе, домой*, относящиеся к сказуемому *ухал*, рассматриваются как атрибуты его. «Все эти атрибуты ограничивают основу, выделяют в ней определенную область, которая и составляет объем всего сочетания» [5, с. 57]. Г. В. Колшанский тоже относит к общей категории атрибутивной связи все отношения главных и зависимых членов предложения равно как в именной, так и в глагольной группах [18]. Есть все основания считать, что атрибутивный характер отношения между главными и второстепенными членами сохраняется и тогда, когда один из логических членов выражается сочетанием подлежащего и сказуемого, а другой — второстепенным членом.

Раскрываемое соотношение сопоставляемых конструкций способствует лучшему пониманию сложной структуры предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 277.
2. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, с. 61.
3. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
5. Годер Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием. — В кн.: Логико-грамматические очерки. М., 1961.
6. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 387.
7. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с. 188.
8. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
9. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 126.
10. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
11. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 404.
12. Сибгатов Р. Г. Модальность как структурно-семантическое единство. — СТ, 1978, № 4.
13. Сибгатов Р. Г. Модальный конститuent предложения. — СТ, 1979, № 1.
14. Закиев М. З. Хәзерге татар әдәби теле (синтаксис). Казан, 1974, 131 б.
15. Сафиуллина Ф. С. Татар телендә сүз тәртибе. Казан, 1974, 44—45 б.
16. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. — Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965, с. 446.
17. Ломтев Т. П. О совещании по теории синтаксиса. — Вестник МГУ, 1961, № 5, с. 69.
18. Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965, с. 106.